ISSN 0027-8238

НАШ СОВРЕМЕННИК

8 · 1981

НАШ СОВРЕМЕННИК 1981 8

РОССИЯ — РОДИНА МОЯ

Н. Шилов. Нефть пошла!

НАШ
СОВРЕМЕННИК

ОСНОВАН А. М. ГОРЬКИМ В 1933 ГОДУ

Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», МОСКВА

8 АВГУСТ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Леонид ФРОЛОВ. К СЫНУ. Рассказ 3
Нина ТЕЛЕШЕВА. МЕЖ КРУТЫХ БЕРЕГОВ. Повесть . . 51

ПОЭЗИЯ

Владимир КОСТРОВ. ТАТЬЯНИНЫ ЛУГА. Зов. «Как подумаю, что я оставлю...». «За городом, за бором...». «Вы счастливы в судьбе...». Памяти Юсуфа Шомансура 48
Михаил ЧИСЛОВ. «А ЖИТЬ НЕ ПРОСТО, ЕСЛИ ЖИТЬ КАК НАДО». К 60-летию со дня рождения С. С. Орлова 104
Николай ГОДИНА. ВСПОЛОХИ. Граница. «Художник красками живет...». Река. «Я шеф веселого совхоза...». 109

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

М. АНТОНОВ. НРАВСТВЕННОСТЬ ЭКОНОМИКИ. Полемические заметки 111
Петр ДУДОЧКИН. ТРЕЗВОСТЬ — НОРМА ЖИЗНИ . . . 133

© «Наш современник», 1981 г.

Из чешской литературы. Новые переводы

Божена РОТТЕРОВА. ПРОЗРЕНИЕ. Рассказ. Перевод Н. Шахуриной 146

Вацлав ГОНС. Вся земля как на ладони. Из поэмы о Ленине. Перевод Юрия Медведева. **Йозеф РЫБАК.** Метаморфозы. Весенняя Прага. Переводы Сергея Викулова. **Ян ПИЛАРЖ.** На сгубленную яблоню. **Олдржих ВЫГЛИДАЛ.** В парке. Переводы Юрия Кузнецова . . 152

КРИТИКА

Владимир КОРОБОВ. «КНИГИ ВЫСТРАИВАЮТ СУДЬБЫ». Опыт литературно-критической повести. Окончание . . 157

Из редакционной почты

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА. Некоторые проблемы современной драматургической Ленинианы 185

О НАШИХ АВТОРАХ 192

Окончание романа Михаила Алексеева «Драчуны» читайте в № 9.

Главный редактор С. В. ВИКУЛОВ

Редакционная коллегия: **О. А. АВДЕЕВА, В. И. БЕЛОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Г. И. БУЗМАКОВ, В. В. ВАСИЛЬЕВ** (ответственный секретарь), **И. А. ВАСИЛЬЕВ, А. В. ГУЛЫГА, О. К. КОЖУХОВА, В. А. КОЛЫХАЛОВ, В. А. КРИВЦОВ, Е. И. НОСОВ, В. А. ПАЛЬЧИКОВ, Н. А. ПОДЗОРОВА, В. Г. РАСПУТИН, Ю. И. СЕЛЕЗНЕВ** (заместитель главного редактора), **Г. В. СЕМЕНОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Г. В. СЕРЕБРЯКОВ, Б. Ф. СПОРОВ, Г. Н. ТРОЕПОЛЬСКИЙ, В. А. УСТИНОВ** (заместитель главного редактора), **Л. А. ФРОЛОВ, А. И. ХВАТОВ**

Петр ДУДОЧКИН

ТРЕЗВОСТЬ—НОРМА ЖИЗНИ

В 1972 году было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, в 1979-м — «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями», в котором также говорилось о насущной необходимости «последовательно и настойчиво вести борьбу против пьянства и алкоголизма». XXVI съезд КПСС вновь подтвердил непримиримость партии и правительства к этому нездоровому явлению. «Немалый ущерб обществу, семье, — отмечал на партийном форуме Л. И. Брежнев, — наносит пьянство, которое, откровенно говоря, еще остается серьезной проблемой...».

Большую роль в решении названной проблемы, в воспитании гармонически развитой личности призваны играть литература и искусство. Об этом шел разговор в статье Н. Машовца «О трезвости» («Наш современник» № 6, 1981).

Калининский писатель П. Дудочкин, продолжая тему, рассказывает о действенном опыте, накопленном нашей общественностью, в частности клубами трезвости, созданными во многих городах страны, в работе по преодолению негативных явлений, связанных с пьянством и алкоголизмом.

ЗА ЧЕТВЕРТЬ века корреспондентской работы пути-дороги свели меня с самыми разными людьми. И не только на скоростных большаках, а чаще всего на ископыченных деревенских улицах, куда редко заезжают посторонние; встречи эти надолго потом остаются в памяти...

Как-то заехал я в Нелидовский район к своему старому знакомому — бригадиру Ивану Федотовичу, попросту Федотычу, как зовут его колхозники. Не виделись, пожалуй, года три; худощавый, улыбчивый, гостеприимный, он, едва приметив меня с товарищем, выскочил встречать нас на улицу, провел в избу и сразу же усадил за стол.

— Проголодались, поди, с дороги, я сейчас организую...

Один за ним грех водился: выпивал лихо и, главное, ничего плохого в этом не видел. «Почему, — говорит, — не выпить, если и дела идут как следует, и жизнь в достатке?» Федотыч был весьма удивлен и, как мне показалось, обескуражен, когда мы отказались от выпивки и перед ужином, и перед завтраком.

— В гостях ведь, как не выпить? Хм... Пей, да дело разумей. Главная беда не в том, что много пьем. Не закусываем — вот в чем зло. А закуска, слава богу, есть...

Жена Ивана Федотовича, Софья Ильинична, неожиданно поддержала нас:

— И правильно делаете, что не пьете. Узнать бы, сколько хмельного выпито у нас в районе, во всей области, во всей стране. Судя по нашей деревне, небось немало...

— Про всю страну не знаю, — признался я, — а колхозными, районными и областными цифрами интересовался.

Иван Федотович был поражен, узнав, что в их колхозе ежегодно на душу (не исключая детей, женщин, стариков) выпивается в среднем по девятнадцать литров водки, вина — семь, пива — поллитра.

— А в целом по области и району? — допытывалась Софья Ильинична.

Цифры склоняли к серьезному размышлению. Федотыч даже про завтрак забыл, стал с карандашом подсчитывать, сколько же пропито денег в колхозе. Выходило: сто восемьдесят четыре рубля пятьдесят шесть копеек на человека. Почти сто тысяч рублей на колхоз, три миллиона — на район, около четырехсот миллионов — на область.

Разговор зашел о последствиях выпивки, о нравственном здоровье людей.

— Ох уж эти последствия, — вздохнула хозяйка, печально покачивая головой. Чувствовалось, нелегкие на нее нахлынули воспоминания. — Серегу помните? По соседству с нами жил. Изба с резными наличниками, калитка с петухом, в доме полный достаток. Пьяный ехал на «Жигулях» и врезался во встречный грузовик. Какого механика потеряли! Семь легковушек у колхозников, а четыре из них — совсем новехонькие — уже в кюветах побывали. Пьяным ведь море по колено... Себя калечат, детей, жен мучают. А протрезвятся — до работы ли? Как бы похмелиться да грехи замолить. Не только с карандашом — на электронно-вычислительной машине не подсчитать все убытки от пьянства.

Задумался бригадир. А когда узнал, что на книги израсходовано в колхозе за весь год всего-навсего по шесть рублей двенадцать копеек на человека, в районе — по восемь рублей четыре копейки, а в области — и того меньше — по пять рублей пятьдесят восемь копеек, поперечная морщинка на его выпуклом лбу стала еще глубже, тревожнее.

— Это ж подумать только — почти двести рублей на человека пропиваем. Почти тыщу на семью. — Он вытащил из портфеля дочери томик избранных сочинений Пушкина, осмотрел его, отыскивая, очевидно, цену, покачал головой: — Стоит без выпивки пожить один год, и каждая семья может заиметь около тысячи хороших книг. Это же целая библиотека! И семье и потомкам на пользу...

— Пора бы уж тебе горлышко-то попридержать, — сказала Софья Ильинична мужу. — Разве нельзя не пить? Я вот без этого как-то живу! Записывайся-ка в трезвенники...

Я поддержал хозяйку и рассказал, что в Твери уже существовало общество трезвости, имело свои клубы с самодеятельностью, издавало двухнедельный литературно-художественный журнал «К свету» с подпиской по всей стране.

— Будь нынче такое общество, вступил бы в него? — спросил я Федотыча.

— Вступить бы вступил, — улыбнулся он. — Но мужики у нас, сами знаете, остры на язык: «Федотыч в трезвенники записался. Билет получил: член общества!» А может... Нет, не получится, — сделал вывод Федотыч.

В декабре позапрошлого года в Доме актера лектор обкома партии Алексей Аркадьевич Казанский выступал с докладом о международном положении. Рассказывая о законах, вводимых в Иране аятоллой Хомейни, он, в частности, заметил, что там за появление в пьяном виде введено наказание — шестьдесят палочных ударов. В зале раздались дружные аплодисменты и громкие возгласы: «Правильно! Хорошо! Так и надо!» Добавлю, Алексей Аркадьевич — весьма уважаемый лектор, его всегда слушают с большим вниманием, я не помню случая, чтобы во время его выступления люди выходили из зала или разговаривали между собой, а тут не выдержали — заговорили, зааплодировали. Вот до чего опротивели пьянство и снисходительность к этому злу — даже крайние меры мусульманского лидера вызвали одобрение.

Я вспомнил об этом случае, знакомясь с материалами республиканского совещания виноградарей и работников винодельческой промышленности, опубликованными в газете «Советская Аджария» 11 мая 1980 года. Статья под повелительным заголовком «Встань вровень с земледельцем, винодел!» начиналась с сообщения, что в 1978 году виноделы переработали двести пятьдесят пять тысяч тонн винограда, в 1979-м — четыреста восемь тысяч, а в 1980-м для этой цели уже отпускалось семьсот семьдесят тысяч тонн. Закономерен вопрос: сколько же в республике всего винограда? Оказывается, надо было еще в прошлом сезоне «заготовить невиданный доселе урожай — 770 тысяч тонн». Что же это — весь виноград, до ягодки, на вино?

При чтении невольно складывалось впечатление, что виноград растет только для того, чтобы из него делали алкогольные напитки. А ведь среди сотен его разновидностей есть не только технические — для приготовления вин, но и столовые сорта, например, бессемянный, из которого получается прекрасный изюм, содержащий в своем составе (одна пятая от общего веса) целебнейшую глюкозу. Разве только во имя Вакха чистые душой предки-виноградари сочинили песню «Ты, лоза моя виноградная», славящую животворную силу виноградных гроздей?!

У нас в стране в шестидесяти шести виноградно-винодельческих объединениях насчитывается триста сорок девять совхозов и четыреста шестьдесят шесть совхозов-заводов с площадью виноградников в полтора миллиона гектаров. Неплохо бы часть этой плантации выделять под любимый детьми продукт. В Греции, к слову, где под виноградниками занято в шесть раз меньше земли, ежегодно заготавливается около полутора миллионов центнеров изюма. В штате Калифорния (США) с площади в двести шестьдесят одна тысяча гектаров вырабатывается более двух с половиной миллионов центнеров сушеного винограда. Иран, Турция, Австралия, Афганистан — всемирно известные поставщики изюма высшего качества. Мы же почему-то оттеснили его от нашего стола.

Не чересчур ли усердствуют планирующие и другие организации, увеличивая из года в год производство вин? Не слишком ли велика забота о хмельной продукции? Министерство пищевой промышленности СССР и Центральное правление научно-технического общества пищевой промышленности издают свой журнал «Виноделие и виноградарство СССР», в самом названии которого — «виноделие», а потом «виноградарство» — уже отражается суть отношения названных организаций к затронутой нами проблеме.

«Для винодельческой промышленности, — читаю в журнале (№ 7, 1978), — разработки ведутся почти в тридцати научно-исследовательских, проектно-конструкторских институтах и научно-производственных объединениях, на десяти кафедрах технологических, политехнических и сельскохозяйственных вузов, на двух опытных станциях, в четырех головных и специализированных конструкторских бюро, на пятнадцати механических и машиностроительных заводах, в многочисленных научно-исследовательских лабораториях и секторах предприятий...»

Всесоюзный научно-исследовательский институт виноделия и виноградарства «Магарач» издал десятитомную «Ампелографию СССР» и восемнадцать томов монографических и других научных работ, посвященных видам и сортам винограда. Читаешь эти научные труды и невольно пожимаешь плечами, почему ученая публика опять же считает, что главное назначение винограда — быть сырьем для приготовления

вина? Ученые с пафосом, достойным лучшего применения, сообщают, что «в 1979 году восьмидесяти шести наименованиям винодельческой продукции присвоен государственный Знак качества».

В журнале «Виноделие и виноградарство СССР» (№ 2, 1979, стр. 5) подчеркивается: «В 1978 г. по сравнению с 1970 г. ...производство виноматериалов возросло с 216 до 305 млн. дал (декалитров), выпуск вина виноградного увеличился с 250,8 до 290 млн. дал; плодово-ягодного — с 38,7 до 131 млн. дал; шампанского — с 86,7 до 160 млн. бутылок; коньяка — с 5,86 до 7,84 млн. дал... Поставлена задача в ближайшие годы довести производство столовых вин до 90 млн. дал, т. е. увеличить его более чем в два раза».

Как показала последняя всесоюзная перепись населения, в нашей стране проживает 262,4 миллиона человек. Значит, на душу населения в 1978 году было произведено, кроме водки и коньяков, шампанского и так называемого игристого, примерно по шестнадцать литров только плодово-ягодных и виноградных вин.

Раскрываю еще один журнал — «Ферментная и спиртовая промышленность» (№ 2, 1979) со статьей «Задачи спиртовой, ликеро-водочной и пивоваренной промышленности в 1979 году», напечатанной под рубрикой «Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!»: «Ассортимент ликеро-водочных изделий еще не полностью удовлетворяет запросы покупателей — мало выпускается изделий, приготовленных на рябине, а также таких традиционных ликеро-водочных, как «Запеканка», «Спотыкач», «Золотая осень», «Кизиловская» и др. ...»

Через год, как явствует из того же журнала (№ 1, 1980), задачи спиртовой промышленности значительно усложняются: «Планом производства ликеро-водочных изделий на 1980 г. предусмотрено повышение удельного веса вырабатываемых из спиртов экстра напитков... в четыре раза по сравнению с фактической выработкой в прошлом году...» Сюда следует приплюсовать и большое количество спиртных напитков, ввозимых из-за границы по инициативе Министерства внешней торговли (в 1979 году в городе Калинине наблюдались случаи отравления со смертельным исходом от употребления прозрачного рома). Разумно ли такое винное «половодье»?

В июне 1980 года в Батуми проходила всесоюзная конференция по проблемам коммунистического воспитания. Конференция отметила, что в среднем в Советском Союзе из семейного бюджета каждый десятый рубль расходуется на алкоголь; в сельской местности России до тридцати процентов доходов семьи идет на спиртное; ежегодно двенадцать-пятнадцать процентов взрослого населения попадает в медицинский вытрезвитель.

Ошибочно видеть выход из положения в великодушном отношении к пьянству. В мае 1980 года в Пролетарском районе города Калинина, например, на собрании партийного актива рекомендовалось распространение опыта здешнего полиграфического комбината. Что же это за опыт? Оказывается, к каждому пьянице на комбинате прикреплен коммунист или комсомолец. Когда у нас, в Калинине, стало известно, что на заводе «Красное Сормово», под городом Горьким, создан клуб трезвости, председатель комиссии горсовета по борьбе с пьянством врач Владимир Сергеевич Давыдов на одном из заседаний рассказал о почине сормовичей и на вопрос: «А что же дальше?» — ответил, что, по его мнению, в одном из самых неблагополучных по пьянству мест, в Пролетарском районе, нужно открыть новый вытрезвитель с мужским и женским отделениями...

В последнее время защитники обильного виноделия, а значит, и обильного винопития всеми способами отстаивают «хмельные произ-

водства», сваливая ответственность за низкое качество спиртного на дегустаторов и службу контроля. Авторитетные комиссии, однако, пришли к выводу, что из проверенных ими 2917 предприятий, выпускавших вина, пятьсот девятнадцать необходимо «закрыть немедленно... из-за антисанитарного состояния, несоблюдения нормативно-технической документации и нарушения технологии» (см. «Литературную газету» от 31 октября 1979 года). Подумать только, на каждом шестом заводе творилось бог весть что, готовилась самая настоящая отрава. Министерству сельского хозяйства СССР было велено остановить двести пятьдесят заводов из семисот тридцати семи, то есть каждый третий завод: из ста тридцати шести партий вин, изготовленных виноделами этого министерства, семьдесят две — более половины — были забракованы. В ведомстве Центросоюза дела оказались еще хуже: из каждых двухсот шестидесяти партий сто семьдесят восемь выпускались с особо опасным для здоровья браком.

В резолюции XXVIII Всемирной ассамблеи здравоохранения записано: «...алкоголь необходимо считать наркотиком, подрывающим здоровье». Каким же образом можно оценить изделия винно-водочной промышленности, изготовленные с явным отклонением от всех санитарных норм?

Писатель-сибиряк Петр Николаевич Ребрин, когда бывает в Москве, нет-нет да и навещает меня. Работающий над изучением проблем современной деревни, он не раз обогащал свои очерки поучительными фактами из жизни Верхней Волги. В декабре 1979 года я посоветовал ему побывать в колхозе «Мир» (деревня Думаново, под Торжком), в этом хозяйстве удои на фермах и урожаи на полях выше соседских, почти в каждой избе цветные телевизоры, разная бытовая техника. Казалось, есть чем гордиться. Съездил Петр Николаевич в хваленый «Мир» и ужаснулся: «Такое там творится... Если б кто рассказал, вряд ли поверил. Богатство, верно, есть. А зашел в детский сад, заведующая вздыхает, тетрадку показывает: «Вот что рассказали ребятишки о своих делах на праздник. Восемнадцать мальчиков и девочек из двадцати четырех хвалились, как их угощали вином: кому глоток позволили, кому — два. Ребятишки даже названия вин запомнили. Уже кое-что усвоили! Из самых любящих и любимых, из святых родительских рук получили по глотку отравы. Маленькие, они еще не ведают, какой это яд. Но ведь подрастут...»

Тысячу раз правы те, кто начал в некоторых городах непримиримый поход против пьянства. В основе их противоборства мудрый многовековой опыт жизни: «В здоровом теле — здоровый дух»; «Из всех пороков пьянство более других несовместимо с величием духа»; «Пьянство — это добровольное сумасшествие»; «Пьяный человек — не человек, ибо он потерял то, что отличает человека от скотины, — разум»; «Вино вину творит»; «Вино ремеслу не товарищ».

Немало достойных самого острого внимания выводов оставлено нам великими людьми. Белинский: «Пьют и едят все люди, но пьянствуют и обжираются только дикари»; Достоевский: «Употребление спиртных напитков скотинит и зверит человека»; Пифагор: «Пьянство есть упражнение в безумстве»; Демокрит: «Подобно тому, как бывает болезнь тела, бывает также болезнь образа жизни»; Леббок: «Число людей, которые себя погубили, куда значительнее, нежели число погубленных другими».

А вот что писала ленинская газета «Путь правды» 29 марта 1914 года в редакционной статье: «Наступает светлый день для российского пролетариата — праздник рабочей печати... В этот день не пейте вина: наш праздник есть день светлой мысли, пусть не осквернит его темная

отрава. Как было бы хорошо, если бы наш праздник навсегда остался днем трезвости и послужил бы началом пролетарской пропаганды трезвости! Пьянство среди рабочих могут уничтожить только сами рабочие... Сила, которая выгонит зеленого змия из рабочих кварталов, выйдет от самих рабочих». Да, есть что вспомнить! Общество русских заводчиков (было такое собрание) подсчитало, что на ста семидесяти двух предприятиях производительность труда в том же 1914 году повысилась на 9,2 процента, а прогулы сократились на сорок семь процентов.

В послереволюционные годы в Советской России общества трезвости издавали журналы, книги. В Твери выходил уже упомянутый мною литературно-художественный журнал «К свету», в нем сотрудничали самые видные писатели того времени. В Нижнем Новгороде губздравотдел выпускал ежемесячник «За здоровый труд и быт». В двенадцатом номере этого журнала за 1928 год говорится: «Борьба с пьянством — борьба за нового человека...». Идеальный «тип хорошего парня», то есть «не дурака выпить», погулять, заломя картуз на затылок, подебоширить, «набить морду, покрыть матом», с прохладцей работать и в случае чего «дать отпор», — этот «идеал» должен быть духовно расстрелян». Нарком здравоохранения Н. А. Семашко с возмущением отмечал, что «каждый рубль «дохода» от монополии означает десятки рублей, потерянных из-за пьяных прогулов на работе, из-за расстройства хозяйства, разрушения здоровья».

В 1928 году Всесоюзное общество по борьбе с алкоголизмом насчитывало в своих рядах двести пятьдесят тысяч человек. Активнейшим образом участвовали в нем ученые Н. А. Семашко и А. Н. Бах, писатели Демьян Бедный и Всеволод Иванов, партийные деятели Е. М. Ярославский, Н. И. Подвойский, С. М. Буденный. За год прибыль на заводах благодаря рабочим, членам общества трезвости, увеличилась на десять миллионов рублей. Экономисты общества подсчитали, что от продажи водки и вин в 1927 и 1928 годах государством было выручено семьсот двадцать восемь миллионов рублей и потеряно по причине пьянства один миллиард двести семьдесят миллионов рублей. Полезно вспомнить: по подсчетам экономистов, в 1911 году Россия продала «хмельного товару» на один миллиард двадцать шесть миллионов рублей, а убытки от пьянства составили три миллиарда рублей.

Мнимая выгода от продажи спиртного, как показывают расчеты ученых, не выдерживает никакого сравнения с той колоссальной экономической, политической и культурной пользой, которую общество обретает от повышения производительности труда, от уменьшения ненужных расходов на медицинскую, милицейскую и прочую возню с пьяницами, от многих других экономических и моральных факторов, обеспечивающих физическое, умственное и нравственное благополучие наших современников и тех поколений, которым суждено жить после нас.

Моя память воскрешает довоенные споры односельчан в канцелярии нашего колхоза Стреченово, что на Брянщине, где в ту пору работал мой отец, а я в свои пионерские годы помогал ему подсчитывать трудодни. Когда спорщики не могли примириться, отец обычно поднимал очки на лоб и советовал: «Спросите-ка у Кандыбы: что думал по этому делу сам Ленин?» Мужики шли к учителю Кандыбе, и тот, обложившись книгами, помогал им уразуметь наболевшее. С той поры прошло много лет, а отцовский совет нет-нет да и вспоминается.

Общеизвестно, с какой государственной деловитостью и озабоченностью Владимир Ильич решал финансовые проблемы молодой Советской республики, но при этом даже в самые тяжелые времена он и мысли не допускал, чтобы бюджет страны улучшался за счет продажи спиртных напитков. Вспомним заключительное слово В. И. Ленина по

докладу о продовольственном налоге на десятой Всероссийской конференции РКП(б) 27 мая 1921 года. Говоря о торговле в деревне, Ильич в числе многих задач поставил перед партией и такую: «...В отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму...» (ПСС, т. 43, стр. 326).

Объявив пьянству бой, вряд ли можно успешно выиграть его без претворения в жизнь ленинского отношения к алкоголю. Бой только на словах — это не бой, а пустословие.

Вот что пишет мне из Иркутской области учитель Василий Васильевич Шкуратов (поселок Залари): «В нашем Заларинском районе есть комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом, в организациях есть планы мероприятий по борьбе с этим злом. Нет только одного, самой борьбы. Создается впечатление, что мы эту борьбу ведем так, как будто сами желаем себе поражения. Нет нетерпимого отношения к пьянству даже в тех случаях, когда после попойки люди не выходят на работу, когда страдают производство, техника, когда пьянки заканчиваются хулиганскими выходками, сквернословием в общественных местах. А факты, когда подгулявший папа разгоняет всю семью по соседним квартирам, вообще не обсуждаются. Кому какое дело? Вместо нетерпимого отношения — молчаливое благодушие. Мы к этому привыкли. В 1972 году магазины района продали в среднем на каждого жителя на сто сорок восемь рублей винно-водочных изделий. Нас, заларинцев, было тогда тридцать шесть тысяч человек. В 1978 году нас стало тридцать восемь тысяч, а за винно-водочные изделия уплачено более шести миллионов рублей, по 181 рублю на человека. Это не считая торговли в железнодорожных магазинах. Не потому ль в 1978 году сгорело двадцать пьяниц. В 1977 году в дорожно-транспортных происшествиях погибло двадцать четыре человека, ранено двадцать один, в семнадцати случаях водители были во хмелю. В 1978 году уже в сорока одном дорожно-транспортном происшествии пострадало сорок восемь человек, в двадцати семи случаях водители также были в нетрезвом состоянии. Выведено из строя пятнадцать автомашин. В 1977 году лишены прав «за управление транспортными средствами в нетрезвом состоянии» сто тринадцать человек, в 1978-м — сто сорок. Триста двадцать семь человек доставлены в пункт отрезвления, сорок семь — на излечение в наркологический кабинет, куда явилось только десять человек. За год восемь алкоголиков лишены родительских прав. В 1977 году было доставлено в милицию семеро пьяных подростков-учащихся, в 1978 году — 15».

«Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало». Так говорил Ленин в беседе с Кларой Цеткин. Не знаю, известны ли эти слова Алексею Даниловичу Бойко, слесарю Киевской ТЭЦ-5, но то, что он, простой сорокалетний рабочий, мыслит по-ленински, — это бесспорно: «Надо иметь и создавать радости в жизни не искусственные, а естественные, жизнеутверждающие... Если человек нашел в себе силы отказаться от вина и табака, он способен на большое в жизни и творчестве». На вопрос о формах работы клуба трезвости он ответил: «Иметь свою мечту».

Федот Афанасьевич Усатенко из города Кривой Рог краток: «Прошу принять меня в члены клуба трезвенности... О себе. Рабочий. На заводе имени Ленина — с 1928 года. Член партии с 1932 года. За свой век никогда не был пьян». И еще из Кривого Рога приятное признание: «Работаю стволовым крепильщиком на шахте «Октябрьская» имени

Коминтерна, — пишет Всеволод Стефанович Губин. — Не употребляю спиртного ни при каких обстоятельствах».

Как не гордиться такими рабочими людьми! Их, трезво мыслящих, немало. «Кто связан с водкой, тот не может хорошо реализовать достижения науки и политики», — утверждает полировщик Куваев с Харьковского электробритвенного завода. С. Я. Литвинчук, 37-летний электрик киевского завода ВУМ, рекомендует «создать клубы трезвости на всех предприятиях под девизом «За жизнь без алкогольного дурмана». Осуждая «обычай со стопкой», он дает слово: «Буду по-прежнему в одиночку биться с пьянством, если не будет клуба». Порыв души, конечно же, благороден. Но зачем же в одиночку? Откуда эта уверенность, что хорошее дело не подхватят и общественность и администрация?

Заботу рабочих о нравственности общества полностью разделяют и селяне. «Осточертело смотреть на пьяниц, а не только работать с ними!» — восклицает М. Е. Бутенко из полтавского села Садки.

Письма женщин особенно волнующи. Да это и понятно: лихо бывает им, женам и матерям, сестрам и дочерям, когда в доме хозяйничает зеленый змий. «Пьяница — это лютый враг семьи и государства, это преступник», — категорично утверждает Надежда Савельевна Яковлева из города Тульчин Винницкой области. Она не согласна с тем, что в последнее время без оснований распространяется мнение, будто пьяницы — это больные и относиться к ним якобы надобно как к больным, нуждающимся в лечении. «Больных — единицы, — пишет Надежда Савельевна, — а остальные — распустившиеся, преступники, и поступать с ними полагается как с преступниками». Такого же мнения и кировчанин В., свердловчанин С. (подписи их неразборчивы), они сторонники установления лютой кары всем спивающимся и загрязняющим общество дурными нравами, вплоть до длительного лишения свободы.

В краю, где я рос, самоубийц хоронили не на кладбищах, а отдельно, в стороне. Как известно, за самострел на войне виновных отдавали под трибунал. Разве пьянство—не самострел и не самоубийство? При всей гуманности нашей советской системы великодушное отношение к пьянчугам ничем не оправдано. Не случайно горный инженер из города Коростышева Николай Трофимович Волошин справедливо сетует на то, что иногда и руководящие деятели сами злоупотребляют выпивками, и все им сходит с рук. Он и факты привел, но у меня, откровенно говоря, пока не поднимается рука указать фамилии этих деятелей. Как обвинительные акты против тех, кто, будучи на руководящей работе, сквозь пальцы смотрит на распущенность забулдыг, звучат гневные, с конкретными фактами письма А. В. Самохина, инженера-технолога Одесского станкостроительного завода, рабочего У. П. Йонова (пос. Рахив Закарпатской области), Г. Ю. Скачко из Кировограда. «Я не верю, — делится своими чувствами киевлянин Н. Н. Разумов, — что сам человек не может взять себя в руки и бросить пить. Не верю!» Авторы писем обращают внимание на поведение забулдыг-пьяниц после инфарктов и других тяжких заболеваний: они перестают пить без всяких уговоров и антиалкогольного лечения. Вот вам и тягость так называемого похмельного абстинентного синдрома, о котором слишком много говорят гуманные медики.

Год от году мы богатеем материально — это, конечно, радует. Но ведь главное — чтобы все люди становились богаче духовно, отличались хорошим физическим и образцовым нравственным здоровьем. А это возможно лишь тогда, когда трезвость — норма жизни. Мы победили в своей революции трезвыми, при остановленных спиртоводочных заводах и опечатанных винных погребах, так давайте же не забывать, что

строительство коммунизма требует поголовной, всенародной трезвости.

Интересное письмо с тревожными раздумьями о том, насколько цепок зеленый змий, прислал мне Филипп Зырянов из поселка Курагино Красноярского края: «Я был небольшеньким, но отлично помню моменты, когда приезжали к нам гости. Отец при этом всегда радостно восклицал: «Мать, ставь самовар, гости едут!» И мать ставила. И потом долго родители и гости сидели за столом, чаевничали. Вскоре в деревне появилась злополучная «винополка», и при визите гостей отец уже смущенно просил у матери... денег на одну бутылочку... И из этой бутылочки он наполнял водкой малюсенькие рюмочки и угощал только мужчин. Кто выпьет — весь переморщится, ворча при этом: «Ну и язва. Тьфу ты, отрава!..» А чтоб дать испить «горького» женщине — и речи не было. Если отец в шутку какой-то гостье и предложит с наперсток — та вмиг лицо отвернет и рот свой ладонью прикроет. И — ни-ни! Природа человека сама протестует против алкоголизма. С пятидесятых годов ситуация за праздничным столом в селах изменилась. На столе уже не одна, не две — красуется батарея разнообразных бутылок со спиртным. И после попойки большая половина гостей переходит в невменяемое состояние — валится на пол, на кровати, под стол и т. д. Однажды я приехал в город Артемовск попроведать родных. И к кому бы из родственников ни зашел, каждый, привечая, первым делом спешил поставить на стол бутылку «беленькой», а то и две. Я говорю: «Спиртное не пью, предпочитаю чай. Да и вам, дорогие друзья, не советую увлекаться!..» «Знаете, — отвечают, — обычай ведь такой: вином не угостишь — вроде ты скряга, не признаешь друзей и родных...» «Ну, раз чай, то это я быстренько, — вскидывается довольная хозяйка, моментально убирая со стола водку. И улыбается:—Вот бы все такие гости к нам приезжали!» Хозяин, ошарашенный поворотом событий, молчал...

Кое-какие сдвиги в борьбе с пьянством есть и в нашем поселке. Большинство выпивох молчит, не гордится, как раньше, перед знакомыми и товарищами количеством выпитого, наоборот, каждый стремится преуменьшить свою страсть к спиртному. Выпивка уже становится непрестижной. Я верю, что придет время, и она будет позором. Если, конечно, не ослабнут усилия наши в борьбе с этой кошмарной рюмочной традицией».

Лауреат Ленинской премии Юрий Тимофеевич Пинчук (Москва) с горечью пишет: «1 февраля 1979 года я смотрел по Центральному телевидению передачу с вашим участием. Когда она закончилась, я вышел на троллейбусную остановку встретить знакомых. Рядом магазин «Вино». Из него вышли трое мужчин, распили пол-литра здесь же, на тротуаре. Один из них треснул бутылкой по столбу. Получилось, что я досмотрел продолжение телепередачи на троллейбусной остановке. Горько и неприятно видеть это. Что-то надо делать. Это хорошо, что вы так активно включились в наступление на этот порок. В моем родном селе Лазаревка (Коростышевский район Житомирской области) ни одно дело не обходится без поллитровки. Пьет механизатор, когда пашет на приусадебном огороде: после третьего-четвертого огорода он еле держится на ногах; угощается и тот, кто дрова старикам развозит; и электромонтер, и плотник, а затем и бригадир, который появляется, чтобы «проверить», как выполнена колхозная услуга колхознику. А когда парень уходит в армию, гонят до двухсот литров горилки, и пьянка продолжается три-четыре дня».

Есть у меня еще письмо, особенно дорогое. Его прислал А. Н. Емельянов, старший сын известного большевика, рабочего Сестрорецкого оружейного завода Н. А. Емельянова, квартира которого была

последним подпольным убежищем В. И. Ленина. Вот что написал Александр Николаевич:

«Наша семья в июле—августе 1917 года в меру сил и возможностей заботилась о безопасной, нормальной жизни В. И. Ленина. Мы с братом обычно доставляли на лодке к шалашу обеды и газеты, причем никогда ничего спиртсодержащего я не видел.

В послеоктябрьский период родителей перевели в Москву, и у них установились дружеские взаимоотношения с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой. Ни от них, ни от родителей, ни от знакомых как во время гражданской войны, так и после нее я не слышал о том, чтобы Ленин употреблял спиртное. Еще в дореволюционное время он критиковал царскую алкогольную политику, выступал против винной монополии. Ленин хорошо понимал, что пролетариату «не нужно... опьянение алкоголем... Ему нужны ясность, ясность и еще раз — ясность» (Сб. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 5, Политиздат, М., 1970, стр. 48). В ленинском плане ГОЭЛРО записано: «Запрещение потребления алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь как безусловно вредного для здоровья населения» («План электрификации РСФСР», М., 1955, стр. 174).

Красная Армия в период гражданской войны была трезвой, хотя в тот период спиртное можно было добыть легко, поскольку спирт использовался в качестве горючего для автомобилей. За употребление алкоголя военных, особенно комиссаров, приговаривали к расстрелу: трезвость была нашим оружием — белая армия пила, и это снижало ее боеспособность...

В 1928 году я впервые отведал спиртное, но старая «противоалкогольная закалка» не пропала бесследно — спиртные напитки меня не привлекали. Даже в Великую Отечественную войну, будучи на фронте, я причитающуюся мне водку («наркомовские сто грамм») менял на сахар... В последние годы в результате серьезных размышлений, приобретения новых достоверных сведений по алкогольной проблеме, наблюдений над пьяницами и алкоголиками я стал сознательным трезвенником и радуюсь этому...

А. Н. Емельянов, член КПСС с 1917 года».

После выступлений в печати, посвященных трезвому, без вина, образу жизни, я получил и продолжаю получать уйму писем. В одном из них (автор почему-то постеснялся назвать свою фамилию) высказано мнение о якобы «национальном пристрастии славян к водке»: дескать, «исстари так повелось, что кредо народа — не трезвость, а праздное питие». Столь голословное и категоричное обвинение целых народов не может не возмущать, что и заставляет меня высказаться на сей счет в печати.

Передо мной историко-литературный сборник «Русский архив» за 1866 год, посвященный преимущественно вопросам истории нашего отечества в XVIII и XIX веках. В столбце за № 1063 читаю следующее: «Одно уже слово кабак было ненавистно народу, и, употребляя его в разговоре в течение трехсот лет, он, однако, никогда не решался изобразить его буквами на вывеске». Это не мелочь, как может показаться на поверхностный взгляд, — в жизни народа мелочей не бывает. В сознании и нравственном чувстве народа слово к а б а к ничем не отличалось от матерщины, а явление, за ним стоящее, воспринималось не иначе как разврат. В Никоновской летописи под 1329 годом о князе Михаиле Александровиче Тверском, лютом противнике пьянства, сказано так: «Во дни убо княжения его разбойницы и тати и ябедники исчезоша, и мытари и корчемники (содержатели корчмы — постоялого двора

для приезжих с навесом для лошадей и помещением, где продавались хмельные напитки и еда.— П. Д.) и торговые злые тамги истребишась». В результате общенародного протеста против винопития, например, игумен Белозерского монастыря Кирилл писал можайскому князю Андрею Дмитриевичу: «И ты, господине, внимай себе, чтобы корчмы в твоей отчине не было; занеже, господине, то велика пагуба душам; крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут».

Понимая справедливый гнев народа, великий князь Василий Иванович ввел «запрет смолнянам ставить корчмы».

В книге известного бытописателя прошлого века Ивана Прыжова «История кабаков в России в связи с историей Русского народа», изданной книгопродавцем М. О. Вольфом в 1886 году, подчеркивается: «милионны людей... видели в пьянстве божье наказание, и в то же время, испивая смертную чашу, протестовали... пили с горя». Вот еще выдержки из этой книги, говорящие сами за себя: «Около 1552 г. во всем Московском царстве был один лишь большой царев кабак, стоявший в Москве на Балчуге. Царь Федор велел сломать его и уничтожить». И еще: «В 1750 г. вовсе запрещено было курить вино в губерниях Московской, Смоленской, Новгородской. Винокурение иногда совершенно прекращалось, как, например, в Воронеже в 1736 г. и в Малороссии в 1738 г.». Основываясь на большом количестве исторических данных, Иван Прыжов утверждает, что пьянство пришло на русскую землю «из вне». «История корчмы, — пишет он,—это история... всего чего хотите, только не развитие славянской жизни из славянских начал». Само слово к о р ч м а иноязычного происхождения.

Митрополит Филипп огорчался: «Глубоко несчастно то время, когда о злоупотреблениях говорят, а победить их никто не хочет».

Поклонники Бахуса оправдывают пьянство ссылками на киевского князя Владимира, сказавшего в свое время о том, что питие есть веселие на Руси. Но редко кто утруждает себя мыслью: при каких обстоятельствах молвлено? А было это в пору могущества мусульманских государств, стремившихся к утверждению в Киевской Руси ислама. Тогда-то Владимир, а дипломат он был мудрый, и приводил всевозможные доводы, в том числе ссылался и на обычаи народных гуляний, которые исламом запрещались.

Конечно, не всегда считались с народом, протестующим против пьянства. Иван Грозный, например, ставит в Новгороде восемь царских корчмных дворов. Новгородцы умоляли тамошнего владыку Феодосия «плакаться за несчастный народ», и он вынужден был писать царю: «Бога ради, государь, потщися и помысли о своей отчизне, о Великом Новгороде, что ся ныне в ней чинят. В корчмах беспрестанно души погибают...» Царь не внял просьбам, «оставил корчмы и питиё кабацкое». Правда, временами и он гневался на пьяных. Как гласит «Русский архив» (1886), воротившись из казанского похода, Иван Грозный запретил жителям Москвы пить водку, позволив, однако, для опричников построить особый дом, называемый кабаком.

Можно до бесконечности продолжать перечень убедительных свидетельств и неопровержимых доказательств, подтверждающих истину о чуждости пьянства русской натуре. Как страшный пережиток прошлого пьянство было и остается позором, пагубой для общества, но нет никаких оснований считать этот порок «пристрастием народа».

Более полутора столетий назад один из лучших русских поэтов-мыслителей Федор Иванович Тютчев иронизировал по поводу распространенного понятия, что «и вино от бога»: «Так станемте ж запоем из набожности пить, чтоб в божье вместе с Ноем святилище вступить».

А разве не показательна история самодеятельного народного движения против пьянства? В 1858 году с легкой руки столяров и сапожников Ковенской губернии, давших себе зарок не употреблять спиртного, стали создаваться общества трезвости по всей русской земле. «Московские ведомости» сообщали: «в Нижнем на Крещенском торгу, где собирается до десяти тысяч народа, — народ не пил вина, предлагая пить его самим целовальникам, и то же самое делалось в соседних губерниях. Для надзора за трезвостью в каждом селении выбирали старшину. Меньше всего было трезвости вблизи столиц, больше всего вдали от них...»

Писатель-демократ Н. А. Добролюбов с гордостью за свой народ писал, что «сотни тысяч людей за каких-нибудь пять-шесть месяцев без стачек и прокламаций в разных концах великого царства отказались от водки».

Помнится, как-то в нашу деревню забежал бешеный волк. Мужики сразу же убили его. Чтобы уразуметь необходимость этого справедливого акта, не нужно иметь какое-то особое образование или приказ. Независимо от того, где работали люди — в поле, кузнице, школе или больнице, — они вооружились кто чем мог: ружьями, вилами, дрекольем...

На мой взгляд, подобного отношения заслуживает «зеленый змий». Он «забежал» не только в деревню Федотыча, что в Нелидовском районе Калининской области, он и в селе, и в городе вольготно обосновался и пустил прочно корни. Он «украсил» наш быт, стал предметом своеобразного эстетического восхищения в литературе и искусстве. По подсчетам калининского учителя-краеведа Георгия Яковлевича Ходокова, из ста семнадцати современных книг, спектаклей и фильмов, которые ему удалось прочесть или посмотреть, в ста одиннадцати отображены сцены самых настоящих попоек, трактуемых как вполне нормальное явление...

Один зарубежный кинорежиссер поведал мне однажды любопытную историю. Герой его фильма, очень стеснительный юноша, никак не мог познакомиться с девушкой, в которую влюбился. На работу они ездили на велосипедах по одной улице, и вот парень решил на повороте зацепить ее велосипед своим. Оба упали и... познакомились. Через год после выхода фильма на экраны полиция зарегистрировала свыше тысячи знакомств таким оригинальным способом, при этом более ста девушек и юношей очутились с увечьями в больницах. Учитель Дмитрий Иванович Смирнов из села Глебово рассудил сюжет фильма по-своему: «Чем бесталаннее автор произведения, тем чаще он подменяет описание внутреннего мира своих героев внешними эффектами, сует героям то рюмки, то папиросы, то пистолет». Со Смирновым трудно не согласиться, тем более что мы, писатели, порой не только не думаем, как отзовется в читателе и зрителе та или иная литературная или кино-театральная поделка, мы, инженеры человеческих душ, стали спокойно мириться даже с тем, что торгующие организации не в меру усердно действуют в дни особо торжественные, посвященные духовному, нравственному возвышению Отечества. Кто не знает, как свято чтут память А. С. Пушкина во всех уголках планеты. На тверской земле, на так называемом Пушкинском кольце, то есть в тех селах, где бывал поэт, ежегодно в начале июня проводятся праздники поэзии и культуры. Сюда съезжаются тысячи почитателей пушкинского гения из окрестных районов, даже из соседних областей, из Москвы. Выступают поэты и прозаики, знаменитые артисты и коллективы художественной самодеятельности. Участвует в торжествах и кооперация. Но как участвует? Завозится до того много водки и вин самых разных марок, будто тут не праздник поэзии и культуры, а смотр достижений спиртоводочной

промышленности. Кружкой квасу, стаканом фруктового сока, бутылкой минеральной воды там не скоро разживешься—приходится стоять в длинных очередях. Зато спиртного... Сердце стынет от горьких девичьих припевок: «Меня маменька ругала, что я с пьяненьким гуляла, а я маменьке в ответ: потому, что трезвых нет».

Как не вспомнить Владимира Маяковского: «Комсомолец! Крестьянин! Крестьянка! Эй! Жить чтоб жизнью сытой и вольной, бей зеленого книгой! Учением бей! Хвост зажми ему дверью школьной! Изгоняй, кто поит. Выгоняй. Это—гниль! Нужна кому она?! Только тот, кто здоров, — крестьянству оплот. Трезвым мозгом сильна коммуна!». Поэт глубоко прав: «Трезвым мозгом сильна коммуна!» Воистину наш лозунг! Наш! Советский!

Радует, что лозунг этот уже подхватили в разных концах страны. Например, в Горьком активно действует клуб трезвости «Радуга» при Дворце культуры железнодорожников, над которым с 1975 года неутомимо и деловито шефствует член научно-методического совета по пропаганде медицинских знаний областного правления общества «Знание» А. Н. Маюров, и клуб «Трезвость» при Дворце культуры завода «Красное Сормово» во главе с ветераном партии Я. К. Кокушкиным, бывшим дальневосточным партизаном, соратником легендарного Сергея Лазо. В клубах интересно и поучительно работают секции: литературные, шахматные, художественной самодеятельности; проводятся беседы, диспуты, концерты, встречи с интересными людьми, вечера вопросов и ответов. Все это регулярно освещается в местной газете «Красный Сормович» под рубрикой «Да здравствует трезвость!». После того как облпрофсовет в 1977 году в официальном решении одобрил деятельность этих коллективов, клубы трезвости возникли в городе Дзержинске и при Горьковском автомобильном заводе. В Киеве хорошая слава идет о клубе «Трезвость» при республиканской «Рабочей газете», которым руководит журналист В. И. Смага; дважды в месяц трезвенническому движению на Украине отводится специальная страница. Среди горняков Нижнего Тагила тоже авторитетен Трезвый клуб, возглавляемый журналисткой Л. А. Ушаковой, — нередки уже случаи, когда молодожены считают за честь отпраздновать свадьбу именно в нем.

Горьковчане, киевляне, нижнетагильцы на верном пути. Владимир Ильич Ленин еще задолго до революции в своих «Случайных заметках», напечатанных в 1901 году в журнале «Заря», называл именно такое отношение народа к винопитию правильным, пропагандировал конкретные меры борьбы с пьянством и алкоголизмом. «...В Архангельской губернии, — писал он, — некоторые селения еще в 1899 г. составили приговоры, чтобы у них не открывали винных лавок» (т. 4, стр. 421). Тогда каждая волость имела законное право в любое время закрывать винные лавки. Это право местных властей было сохранено и упорядочено после Октябрьской революции. Чем более развитым становится наше общество, тем нетерпимее мы должны относиться к отклонениям от норм социалистической нравственности. Облик советского человека утверждается в постоянной и бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого, одним из которых является пьянство.

●

О НАШИХ АВТОРАХ

★ *Леонид Анатольевич ФРОЛОВ родился в 1937 году в деревне Большая Медведица Костромской области. Окончил историко-филологический факультет Вологодского пединститута. Автор книг «Дорога», «Полежаевские ягоды», «Во бору брусника», «Сватовство» и других. Член Союза писателей. Лауреат премии имени Николая Островского.*
Живет в Москве.

★ *Нина Ивановна ТЕЛЕШЕВА родилась в городе Горьком. Окончила Горьковский медицинский институт имени Кирова. Работала врачом-рентгенологом. Публикуется впервые.*
Живет в г. Горьком.

☆ *Владимир Андреевич КОСТРОВ родился в 1935 году в деревне Власиха Костромской области. Окончил химический факультет Московского государственного университета и Высшие литературные курсы. Автор двенадцати книг стихов. Лауреат премии имени Николая Островского. Член Союза писателей.*
Живет в Москве.

☆ *Михаил Матвеевич ЧИСЛОВ родился в 1936 году в селе Крутое Калужской области. Окончил Московский государственный университет и аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат филологических наук. Автор многих статей о современной советской поэзии. Член Союза писателей.*
Живет в Москве.

★ *Михаил Федорович АНТОНОВ родился в 1927 году в селе Александровка Тульской области. Окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Кандидат технических наук. Автор более пятидесяти научных трудов. Работает в научно-исследовательском институте.*
Живет в Москве.

★ *Петр Петрович ДУДОЧКИН родился в 1915 году в деревне Стреченово Смоленской области. Окончил сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева. Работал лесорубом, землекопом, журналистом. Автор многих книг. Член Союза писателей.*
Живет в г. Калинине.

★ *Николай Александрович ШИЛОВ родился в 1924 году в городе Ижевске. Окончил Горьковский радиотехникум. Участник Великой Отечественной войны. Член Союза журналистов СССР, фотокорреспондент.*
Живет в г. Котельниче Кировской области.

Технический редактор **Г. П. Голубкова.** Корректоры **З. С. Гуляевская, М. И. Кононова.**

Адрес редакции. 121069, Москва, ул. Писемского, 7. Телефоны: 291-01-32 (главный редактор), 290-58-09, 290-29-01 (заместители главного редактора), 290-61-61 (ответственный секретарь), 291-73-03 (зав. отделом прозы), 291-01-34 (отдел прозы), 291-37-67 (отдел поэзии), 291-70-29 (отдел критики), 291-72-33 (отдел очерка и публицистики), 290-67-19 (технический редактор, корректоры)

А 07113. Сдано в набор 12.05.81 г. Подписано к печати 28.07.81 г. Формат 70×108 1/16.
Печатных листов 16,8. Уч.-изд. листов 19,1.
Бумажных листов 6. Тираж 335 000 Заказ 2429

Типография газеты «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

ЭТО НЕОБХОДИМО

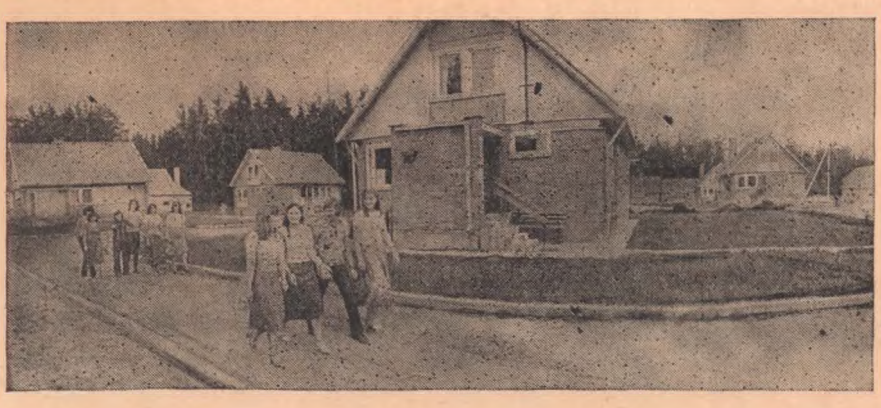
ЗНАТЬ ВСЕМ

Строения, принадлежащие гражданам на праве личной собственности, дополнительно к обязательному страхованию могут быть застрахованы в добровольном порядке исходя из их стоимости по действующим государственным розничным ценам.

Добровольное страхование обеспечивает более полное возмещение ущерба в случае уничтожения или повреждения строений в результате пожара, взрыва, удара молнии, наводнения, землетрясения, бури, урагана, ливня, града, обвала, оползня, внезапного выхода подпочвенных вод, паводка, необычных для данной местности продолжительных дождей и обильного снегопада, селя, аварии отопительной системы, водопроводной и канализационной сетей, а также когда для прекращения распространения пожара или при внезапной угрозе наводнения необходимо было разобрать строения или перенести их на другое место.

Договор заключается сроком на 1 год. Страховые платежи невелики и составляют в зависимости от местонахождения строений от 50 коп. до 1 руб. 20 коп. со 100 рублей страховой суммы. Их можно внести путем безналичного расчета через бухгалтерию по месту работы или наличными деньгами страховому агенту.

Более подробно ознакомиться с условиями страхования можно в инспекции Госстраха или у страхового агента.



ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ СССР

ЦЕНА 50 КОП. ИНДЕКС 73274

НАШ СОВРЕМЕННИК